

ANDREJ ARTEMOV / АНДРЕЙ АРТЁМОВ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9629-7608>

University of West Bohemia (Plzeň)

АКСИОЛОГИЯ «РУССКОГО» В ПРОЗЕ ЯРОСЛАВА РУДИША

Axiology of “Russian“ in the prose of Jaroslav Rudiš

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ярослав Рудиш, чешская литература, проза, аксиология, Россия как концепт

KEYWORDS: Jaroslav Rudiš, Czech literature, prose, axiology, Russia as a concept

ABSTRACT: The article is devoted to the assessment of the “Russian” aspect in Czech history and culture based on the prose of Jaroslav Rudiš. Jaroslav Rudiš, one of the most prominent contemporary Czech writers, was born in Turnov (1972). Since the publishing of “The Sky under Berlin” (2002), his work has positively attracted the attention of critics and has won a wider community of readers, which is evidenced by several reprints of his books and a considerable interest in the new one. Jaroslav Rudiš distinguishes himself from the other modern Czech authors by the ability to soberly, aptly and relevantly describe the problems of contemporaries. His characters are people who personally experienced the “whiff” of the history and felt changes in Czech society over the second half of the 20th century. Despite the fact that Rudiš does not write explicitly about Russia, does not talk about the eternal themes of Russian philosophy and culture and does not discuss positive or negative aspects of Russian influence on international politics, he shows the impact of the “Russian” aspect on the course of the newest Czech history quite accurately and ironically, although infrequently. Russia and the “Russian” in the prose of the author are mentioned in connection with the events in the lives of individual heroes who perceive the Russian aspect as given and periodically interacting with their lives depending on the circumstances. The views of his characters are ambiguous: they are not strictly negative with regard to important events, but they are not thoughtlessly positive, when the breathtaking spirit and depriving rational thinking of the wonderful creative ability of the Russian soul are praised. The tonality of Rudiš’s prose is comparable to Dovlatov’s irony of the “Reserve” or to the poetry of the Yerofeyev’s “Moscow – Petushki”. The study of Rudish’s prose was carried out by the method of excerpt from the available Czech texts of the writer. Axiological characteristics (more than 120 citations from 7 works of the author) relevant for representing the image of the “Russian” in Czech literature were analyzed from the point of view of imagological criteria.

В современной чешской литературе проза Ярослава Рудиша является ярким феноменом. Прежде всего, она сочетает в себе разнообразие жанров, при чём зачастую выходит за рамки эпической системы. Благодаря опыту создания сценариев к фильмам и драматических произведений в прозу Рудиша

вплетаются элементы драматургии, что можно наблюдать в развёрнутых диалогах и монологах героев его романов. Также немалый драматический эффект присутствует в речи рассказчика. Повествование от первого лица в прозе автора довольно легко можно было бы перевести в монолог героя при создании инсценаций. Ещё один жанр, который находится на стыке литературы, изобразительного искусства и кинематографического творчества, и с которым работает Рудиш, – это комикс.

Возможно, с комиксов об Алоисе Небеле, создававшихся в соавторстве с художником Яромиром Швейдиком, на основе которых был снят новаторский фильм «Alois Nebel» (2011), следовало бы начать краткое описание творчества писателя, ставшего после публикации романов-комиксов и выхода фильма весьма популярным автором. Ограничимся представлением творчества на основе его первого романа, а из других произведений будем приводить наиболее значимые для нашего исследования элементы.

Более подробное обращение к первому роману Рудиша «Небо под Берлином» (Rudiš 2002) обусловлено нашим убеждением, что это текст основополагающий для становления поэтики данного автора. Ряд аспектов, затронутых в первом опубликованном произведении, включая имагологическую репрезентацию русского (а также советского) наследия, характера, восприятия действительности и т. д. (прежде всего, глазами чехов, а также немцев, иногда и других народов), был развит в более поздних текстах писателя. Общее настроение романа в отношении «былых времён» очень характерно и для нескольких последующих произведений автора (Rudiš 2006; 2007; 2010; 2013; 2018). Берлин – разделённый город, город двух противоположных миров – это весомый символ и для понимания того, как выстраивается имагология «русского» в восприятии персонажей.

В романе используется характерная для Рудиша композиция произведения. Он последовательно, как это принято в художественной кинематографии, развивает отдельные сцены, «переключает» кадры, вплетает ретроспективу, прибегает к монтажу. В подаче содержания сцен присутствует описание происходящего, как правило, глазами главного героя, или же здесь можно столкнуться с «аутентичными» мыслями и рассуждениями персонажей. Всё это создаёт ощущение просмотра кадров фильма. Как и последующие произведения, роман разделён на небольшие главы.

Что роднит роман «Небо под Берлином» с другими романами автора – это, прежде всего, насыщенность музыкой. А отличает – доходящая до фанатизма влюблённость в берлинское метро. В произведении развивается одновременно несколько переплетающихся между собой линий. С одной стороны, речь идёт о первых шагах новой панк-рок-группы «U-bahn» с её курьёзными участниками, одним из которых является рассказчик. С другой стороны, это жизнь родственников, знакомых, возлюбленных, которая протекает в Берлине.

Сам Берлин показан в его современном виде без прикрас, но всё же с определённой ностальгией. Весьма показательно для современной Центральной и Восточной Европы, что ностальгия здесь в большей степени по «восточным», т. е. в основном по советским, в данном случае гэдээровским временам. Ностальгия эта выплёскивается на читателя именно в описаниях станций метро и в жизни машинистов поездов, даже в появлении духа погибшего в метро человека, пришедшего наконец на концерт группы «U-bahn».

Появление духа, его периодическое «мелькание» в метрополитене и упоминание о других, которых видит один из машинистов, – это мотив, отчасти перекликающийся с культовым фильмом «Небо над Берлином» (1987). В фильме ангелы спускаются на землю, гуляют по Берлину, встречаются, слышат, о чём думают люди. Они проходят сквозь стены, сидят на крышах.

При этом метрополитен представлен в качестве скрытой нервной, кровеносной и пищеварительной системы Берлина. Как оказывается, метро – это незыблемая основа жизни в городе, многие здания которого уже давно не существуют. Значительно изменилась внешняя сторона жизни в Берлине, но неизменным остаётся его чрево, его артерии, его скрытые метрополитенные нервы. И они были подвержены внешнему влиянию истории под влиянием Востока и Запада. Метро было разделено, а некоторые станции служили в качестве пограничных переходов, через некоторые состав проезжал без остановки.

«Небо под Берлином» – это роман как музыкальный и метрополитенный, так и топографический, в котором оригинально звучит мысль о том, что *genius loci* города не растворился в архитектуре нового времени, а лишь спрятался отчасти в метро, а отчасти попал в сердца или в души людей, которые не мыслят себя без города, где они прожили всю свою жизнь. Топографию читатель познаёт и при перемещении по мегаполису с героями романа, и при изучении приложения к роману (Appendix) на последних его страницах. По стилю оно соответствует легкомысленным текстам путеводителей по европейским столицам (т. е. описывает самое «культовое», самое привлекательное и обязательно представляет гастрономию), но у Рудиша всегда присутствует ёмкая, попадающая в цель ирония.

Прозаические, драматические и комиковые тексты Рудиша очень разнообразны и посвящены разным темам, но в их содержании можно обнаружить схожие лейтмотивы. При том, что автор в большей степени посвящает свою прозу чешско-немецким отношениям, влияние «русского» аспекта в его прозе нельзя не заметить. Возможно, к творчеству Ярослава Рудиша читателя привлекает скрытая ирония, которая проявляется и по отношению к русскому аспекту. Автор также использует комичное описание национальных стереотипов (упрощённых представлений одного народа о другом), которые в конечном итоге нарушает совсем иная повседневность.

Говоря об аксиологии, мы опираемся на понимание Цветана Тодорова, который различает три оси отношения к другому или чужому: аксиологическую (другой – хороший / плохой, люблю / не люблю), праксеологическую (попытка сближения с кем-то / удаления от кого-то) и эпистемическую (другого я знаю / не знаю) (Soukup 2006, 627). Методику анализа творчества Ярослава Рудиша, которую мы пытаемся применить, можно охарактеризовать как поиск аксиологических доминант (или значимых аксиологических составляющих) в отношении к исследуемому «русскому аспекту». Такие доминанты находим при тщательном вычитывании текстов писателя. При таком вычитывании было найдено более ста двадцати прямых или косвенных упоминаний о «русском» влиянии или «советском» прошлом. Некоторые упоминания встречаются в текстах опосредованно через историю ГДР, Чехословакии и других стран.

Аксиология русского аспекта проявляется в прозе Рудиша разносторонне и претерпевает изменения по мере развития его творчества, не являясь главной тематической основой его текстов. Однако, читатель встречается с многочисленными деталями, связанными с русским, советским, коммунистическим, с чем-то, что было перенесено и привнесено с Востока, а также родилось в месте действия прозы писателя (в современной Чехии, в бывшей Чехословакии, в ГДР, в других странах), но в любом случае прямо или скрыто подверглось влиянию СССР. Такие аксиологические доминанты достаточно часты, прежде всего, в первых текстах писателя.

В первых романах Рудиша бросается в глаза равенство между русским и советским. Можно сказать, что это основная ось в аксиологии русского. В контексте произведений это не удивляет, поскольку большинство его героев помнит времена, когда главенствовал лозунг «С Советским Союзом на вечные времена!». Но у Рудиша нет прямых оценок, т. е. он не пользуется чёрно-белой шкалой: сугубо положительное и отрицательное не существует. В его прозе присутствует разное отношение как к русскому, так и к советскому.

Отношение героев к русскому аспекту вплетается в их речь, в описание их судеб, неосознанно присутствует в их жизни. Русско-советское – это часть нарратива и эстетики, которую персонажи произведений Ярослава Рудиша впитали, как правило, ненасильственно и, соответственно, некоторые черты этой эстетики стали им дороги как составляющая их развития, их детских и юношеских лет. В современном мире они уже понимают, что коммунизм оказался несостоятельным экспериментом, но что же делать с ностальгией по детству прожитому при соцстрое? Очень ёмко, хотя и с радикализмом рокера, в этом отношении выразился персонаж, который стал членом рок-группы в романе «Небо под Берлином» (Rudiš 2002, 50):

- (1) «[...] Коммунизм, наверное, был заблуждением, но нужно искать новые пути. Этот мир нуждается в изменениях, иначе здесь всё сгниёт. Каждый должен это признать! Ясно вам это или нет?» – отрезал Атом.

Фактически все персонажи прозы Рудиша родились в «то» время и воспринимали существовавшую систему как данность, не разбираясь в ней. Может быть, СССР для них был чем-то, что «существовало на другой планете», поскольку большинство из героев узнавали о нём опосредованно. В эстетике произведений писателя не проявляется агрессия в отношении ранее существовавшей страны, влиявшей на государства, где жили персонажи Рудиша. У него СССР – это не «живой труп», о котором пишет Томаш Гланц (2019, 254), анализируя творчество нескольких российских популярных писателей современности, а источник ностальгии, даже вдохновения (подобная роль отводится и ГДР) и, конечно же, иронии.

Иногда воспоминания героев связаны с миром материального, пришедшего из СССР (здесь русско-советское присутствует косвенно), и эти осязаемые вещи являются «возбудителями» положительных эмоций, отсылающих к детству. Например, электронная игра «Ну, погоди!», которая до сих пор для Егра, усыновившего главного героя романа «Гранд-отель», является одним из предметов развлечений (Rudiš 2006, 55). Ворчащий старый русский холодильник – громоздкий, но неспособный сломаться, стереотипно стойкий как все русские – в новелле «Национальный проспект» (Rudiš 2013, 67), предмет, который весьма показателен для характеристики главного героя новеллы, называющего себя Ван Даммом. Он уважает силу, а о России фактически вспоминает только в связи с освоением космоса, Сталинградской битвой и Пражской весной. Космос и Гагарин упоминаются в романах «Небо под Берлином» (Rudiš 2002, 58), где говорится, что «каждый не может быть как Гагарин», после чего группа выступает с песней «Gagarin Pop», «Гранд-отель» (Rudiš 2006, 45, 133, 153), где Гагарин и его достижения ставятся в пример, и «Конец панка в Хельсинках» (Rudiš 2010, 75), где находим плакат с изображением Гагарина и восхищение космонавтом.

Равенство между русским и советским – это ясная константа в большинстве прозаических текстов Ярослава Рудиша, объяснимая весьма просто. СССР распался тридцать лет назад, но менталитет изменить нелегко, а ностальгия по ушедшему характерна для всех поколений, осознающих и ощущающих приход нового, которое врывается стихийно и не считается с прошлым, не считается с воспоминаниями. Кроме того, на возвращение к советской риторике опосредованно влияет современная политическая ситуация в России, где эксплуатируется возврат к мифу о великой стране. История нам также постоянно представляет периоды акции и реакции, когда в реакции сильно представлен элемент реставрации прошлых порядков.

Кроме оси «русское – советское» в прозе Рудиша можно определить отдельные аксиологические составляющие, формирующие гетероимидж (Pešková 2016, 53) русского в Чехии, в Германии, частично и в других странах Европы. С автоимиджем чехов мы также встречаемся, а автоимидж русских отчасти присутствует лишь в одном эпизоде в романе «Небо под Берлином» (персонаж Игорь, русский еврей, живущий в Берлине на пособие и много пьющий) (Rudiš 2002, 14, 17, 18).

Среди главных аксиологических доминант значительно выделяется историческая составляющая (1).

Далее, хотя и в меньшей степени, представлена уже несколько затронутая выше материальная составляющая (2), которая проистекает из историко-геополитической ситуации главенства СССР в организации стран Варшавского договора.

На основе этих двух составляющих можно выделить третью, а именно метафоры, аллюзии и имена собственные (3), сформированные на основе исторически обусловленного влияния СССР и материальной составляющей.

Ещё одна составляющая (4) – это культурно-исторические стереотипы, связанные с русскими, т. е. это национальные стереотипы, в основном исходящие из первых трёх составляющих, а также из поведения русских в той или иной стране, и в дальнейшем активно транслирующиеся другими представителями народа, не имевшими опыта общения с русскими.

Последняя составляющая (5) в большей степени связана с будущим, с развитием существующей ситуации, с изменением европейской и мировой геополитики. Пятая составляющая аксиологии «русского» в прозе Рудиша лишь слегка просматривается. В некоторой степени её можно реконструировать на основании последних текстов, в которых присутствует скупое упоминание о конфликте России с Украиной, и философских изречений, относящихся к Востоку в целом, когда от Востока советского атеистичные чехи в поисках себя обращаются к Востоку ориентальному (манит экзотика как таковая) и даже астральному (вера в то, что где-то далеко кто-то знает, как разобраться в наших местных современных цивилизационных проблемах, а здесь поблизости ответа нет).

Приведём примеры проявления данных аксиологических составляющих в прозе Ярослава Рудиша.

Историческая составляющая (1) в текстах Рудиша часто представлена в качестве констатации события. Перечисление событий присутствует в новелле «Национальный проспект» (Rudiš 2013, 16), где есть упоминание о Сталинградской битве и об августе 1968 года. При этом данные события стоят в одном ряду с битвой в Тевтобургском лесу, битвой у Липан, битвой на Белой горе, Аустерлицким сражением, с сентябрём 2001 года в Нью-Йорке

и другими вехами, объединяющими мировую и чешскую историю. Здесь перечисление служит в качестве репрезентации интересов и устоев главного героя, от лица которого ведётся повествование. Главный герой – это человек, заявляющий, что «мир – это только перерыв между войнами» (ibidem, 19). Его во многом агрессивные взгляды напоминают идеи ультра-правого крыла политического спектра Чехии.

В некоторых случаях вполне серьёзная информация вызывает комический эффект или ироничный взгляд на действие, разворачивающееся в произведении (Rudiš 2002, 28): «Это ещё не всё: Айзенхюттенштадт раньше назывался Сталинштадтом, он был первым социалистическим городом гэдээр [...]». Именно там можно было увидеть лозунг (ibidem, 28): «Из советской руды и польского кокса мы выплавляем восточнонемецкую мирную сталь! [...]».

Как правило, упоминание о каком-либо историческом событии или историческом персонаже у Рудиша переворачивается наизнанку, приобретает иной смысл в рамках данного нарратива, очень часто насыщенного иронией, или раскрывает характер описываемого персонажа с иной стороны.

В романе «Небо под Берлином» следующим образом описывается кабинет шефа министерства госбезопасности ГДР «Штази» Эриха Мильке, «маленького Эриха», (ibidem, 118-119):

- (2) Его секретарша по прошествии лет вспоминала, как он каждое утро заказывал яйцо вкрутую и чай, всё должно было стоять на заранее указанном месте, потому что порядок был у шефа особым пунктиком. Порядок превыше всего! И он ел, читал газету, а рядом с чаем лежала посмертная маска Ленина, также, как на других столах стоят вазы с цветами. Гэбэшники цветами не увлекались, разве что гвоздиками, которые они раздавали во время юбилеев и юбилея юбилеев.

Неожиданное объяснение начала Второй мировой войны представляет персонаж Франц в главе «Середина Европы» в романе «Гранд-отель» (Rudiš 2006, 67), т. е. всё началось с измерения Европы, когда каждый хотел, чтобы центр континента оказался в его стране:

- (3) Проблема по мнению Франца состояла в том, что в тот самый миг середину Европы измерили и на других местах. В Германии. Франции. Польше. России, Югославии, Греции. Тогда Европа стала раскачиваться и ругаться. И издавать вопли. И драться. Кто-то выиграл, а кто-то проиграл.

Неожиданное сведение счетов с историей появляется в рассказе о детских мечтах одноклассников Властимила Флайшмана, главного героя романа (ibidem, 26):

- (4) Пятеро мальчишек хотели участвовать в «Формуле 1» и разбиться на трассе в Монце. Среди них был и Патка.
 Трое хотели отправиться в космос как Юрий Гагарин.
 Двое хотели управлять поездами на Транссибирской магистрали.
 Ещё два хотели играть в футбол за «ФЦ Турин» или хотя бы за «Слован-Либерец».
 Один хотел стать дворником.
 Один – Ленином.
 А один его переплюнул тем, что хотел стать Сталином. Это был Горбун.
 А один хотел стать Карелом Готтом.

Через несколько страниц читатель узнаёт о судьбах «Ленина» и «Сталина» (*ibidem*, 28):

- (5) [...] Патка стал не Фиттипальди, а официантом у нас в «Гранд-отеле». Ленина в позапрошлом году сбила фура на скоростной трассе Прага – Брно – Небо. Это показывали по телевизору. Не очень приятное зрелище. Фура везла две тонны пластмассовых кукол-блондинок, которые высыпались на шоссе. Среди них лежал переломанный Ленин с головой, повернутой вверх. На него падал снег. Сталин, Горбун, тоже мёртв. Зато все остальные живы и у них всё классно.

В приведённых отрывках можно заметить и игру с историей, и её художественную деконструкцию, реинтерпретацию, которая сродни постмодернистским писательским техникам, а также некоторую манипуляцию с восприятием истории читателем. Манипуляция проявляется как в выборе имён персонажей (Ленин, Сталин), так и в их лаконичном описании «Сталин – Горбун», «переломанный Ленин», а также в описании их конца.

Материальная составляющая (2) связана не только с электронной игрой «Ну погоди!», плакатом Гагарина, но и с упоминанием об Алле Пугачёвой (*Idibem*, 92), о ракете (*ibidem*, 19), в форме которой была построена гостиница на холме Ештед под городом Либерец в северной части Чехии, или в эпизоде, когда русский солдат дарит Властимилу значок с ракетой (*ibidem*, 35). Кроме того, читатель узнаёт о конкуренции чешек с русскими представительницами древнейшей профессии, при чём с последними лучше не связываться (*Rudiš* 2002, 97-98): «Русские нам тут всё разворотят, вот и будет конец, они на всё способны, а их девицы – тоже».

Метафоры, аллюзии и имена собственные (3), сформированные на основе исторически обусловленного влияния СССР и материальной составляющей уже частично приводились выше. Можно лишь обобщить, что у Рудиша находим следующие, весьма показательные, примеры употребления имён собственных (Ленин, Сталин, Горбачёв, Юрий Гагарин, Алла Пугачёва) и топонимов (Россия, Москва, Петербург, Ленинград, Сталинштадт, Сталинград, Байконур, Берингов

пролив, Камчатка, Сибирь, Курск, Чернобыль – последний как часть СССР). Заслуживает внимания то, что положительная оценка фактически только у Юрия Алексеевича Гагарина. Он представлен как святой нового времени (и в прямом, и в переносном смысле – иронично). Нейтральное отношение можно отметить к Алле Пугачёвой, она не воспринимается ни как личность, ни как человек, а как звук («звучит Пугачёва»). Такое же относительно нейтральное отношение к Михаилу Горбачёву, он, прежде всего, политик, благодаря которому произошло объединение Германии. Отрицательно воспринимаются Сталин и Ленин, но в упоминаниях о них нет ни агрессии, ни горечи, присутствует лишь тонкая ирония.

В текстах многократно появляется метафора, связанная со Сталинградом. В романе «Гранд-отель» находим её в качестве угрозы в главе «Сталинград» (Rudiš 2006, 51):

- (6) «Что ты себе позволяешь, паршивец? Именно так ты себе представляешь благодарность? Всё в штучки, да? Я тебе покажу такой фронт! Я тебе покажу такой Сталинград!»
И Егр стал мне давать подзатыльники, а я давай убежать, мы гонялись у стойки рецепшн, которую Егр превратил в музей восточного блока, в музей собственной жизни.

В новелле «Национальный проспект» находим ту же метафору в ином значении, когда после обеда семья главного героя отдыхает и слышит процесс переваривания пищи главой семейства (Rudiš 2013, 111):

- (7) Мы все слышали, как в нём всё взрывается, как всё хочет выйти наружу. А батя хватался на пузо и каждый раз произносил: Сталинград.
И сам над этим смеялся.

Культурно-исторические стереотипы (4) в отношении русского аспекта в прозе Рудиша проявляются, как правило, на основе прямого общения персонажей с русскими. Эти стереотипы соответствуют традиционному восприятию русских, начиная с периода так называемой «нормализации» в Чехословакии (1969–1989). Здесь можно говорить о гетероимидже в большей степени тяготеющем к отрицательной аксиологии, но герои Рудиша с уважением и опаской относятся к силовой стороне русского, она же является и объектом насмешек (часть текста песни в романе «Небо под Берлином» (Rudiš 2002, 99): «От судьбы не убежишь, от русских тоже нет»).

В книгах Рудиша упоминается поведение русских военных и, главное, раздражающее (высокомерное) поведение их жён. Ирония автора очень точна – именно те, кто находятся в зависимом положении (в данном случае

это жёны советских военных – роман «В тишине») (Rudiš 2007, 111), больше других оскорбляют местных жителей.

Русские неуклюжи (случайно переехали танком дедушку и родителей главного героя романа «Гранд-отель»), но добры, и хотя заглавить вину (переехали родителей – солдат дарит выжившему ребёнку значок с ракетой, который мальчику очень нравится). В дальнейшем в романе «Гранд-отель» главный герой признаётся, что выше описанную ситуацию придумал, но показательным остаётся описание поведения русских, которое представляется персонажу. Здесь можно говорить об оживлении стереотипов одного народа по отношению к другому.

В отношении к будущему (5) в творчестве Ярослава Рудиша обнаруживается лишь несколько тенденций.

Произошёл уход от советского Востока, потому что по словам одного из членов музыкальной группы «U-bahn» «восток чем дальше, тем больше на восток» (Rudiš 2002, 9). Вместо него остаётся либо ностальгия по старым временам, либо поиски «нового» Востока с его экзотикой. Поиск такого, как будто бы нового Востока, авторы (Ярослав Рудиш в соавторстве с Петром Пыхой) высмеивают в пьесе «Лето в Лапландии» (Rudiš, Pýcha 2006). Это Восток эзотерический, полубуддистский, полувыведуманный чешским лецителем.

В других произведениях (напр. «Чешский рай») можно обнаружить намёк на постепенное изменение геополитической ситуации в мире не без участия России. С одной стороны, упоминается конфликт между Россией и Украиной – актуальное событие, с другой стороны, мужички, судача в сауне о современной политике, говорят, что: «Всё равно, если что-то и начнётся, то не у нас ведь? По-моему, оно начнётся в Америке или в России» (Rudiš 2018, 73).

* * *

Подытоживая анализ аксиологии «русского» в прозе Ярослава Рудиша, необходимо подчеркнуть, что автор, не ставя в своих произведениях задачу сравнить русских и чехов, тем не менее представляет весьма подробную имагологию «русского» аспекта. Показательно, что это не главная, а, вероятно, и для самого автора неожиданная сторона его прозы, поскольку главным мотивом многих его произведений является жизнь чехов на территории бывших Судет, взаимодействие чехов и судетских немцев, развитие этих территорий в наши дни.

В начале статьи был более содержательно представлен роман «Небо под Берлином» в качестве основы поэтики писателя, помещающего своих героев в среду, в которой они неизбежно встречаются с представителями других этносов и субкультур. Среда и пространство, в которое попадают

персонажи, показательны и сильно воздействуют на них. Не меньшее влияние оказывают на персонажей воспоминания.

Рудиш описывает гетероимидж русских, исходя из исторического опыта взаимодействия двух народов – чехов и русских. Анализ гетероимиджа русских производился на основании более ста двадцати цитат из семи произведений Ярослава Рудиша. Цитаты были выбраны как на основании прямой связи с Россией и СССР (упоминание реалии, фамилии политика, певца, космонавта и т. д.), так и по второстепенным признакам (упоминание о «советском» Востоке, включая ГДР, Чехословакию, страны Варшавского договора, некоторые типичные элементы советской системы или их символы на территории других стран). При анализе цитат была выделена аксиологическая ось, которая базируется на тождестве русского и советского, что преломляется либо в ностальгию по ушедшим временам, либо в иронию относительно «несовершенства» прошлого.

В итоге можно констатировать, что в прозе Рудиша взгляд на русских не сугубо отрицательный, но и не положительный. Автор, безусловно манипулируя с сознанием читателя, насмехается над некоторыми чертами поведения русских, но не выставляет русских как стереотипно и односторонне отрицательных персонажей. Старается быть в отношении русского аспекта объективным. Аксиология «русского» – средство достижения комического эффекта, воздействия иронии. Наиболее положительным героем, связанным с Россией, становится Гагарин. Он уже представляется как что-то нарицательное, но наполненное светлым позитивным смыслом. Гагарин – это некий святой, о котором уже известно мало, но он начинает вступать в фольклор и литературу почти как архетип. Он покорила нечто необъятное и растворился в необъятном с прекрасной улыбкой на лице. Некоторые герои произведений Рудиша воспринимают его именно так.

Ещё одна положительная сторона аксиологии «русского» связана с материальной культурой, когда ностальгически оценивается не всегда изящная, но добротная продукция, поставленная из СССР. Показательно, что в первых произведениях о России и СССР говорится больше, в последних – намного меньше, но и с меньшей иронией, т. е. осмысление советского прошлого постепенно уходит на второй план.

При анализе аксиологических доминант в текстах Ярослава Рудиша удалось выделить пять составляющих аксиологии «русского»: историческую, материальную, метафорическую (включая имена собственные и аллюзии), культурно-исторические стереотипы и будущее.

Библиография

- PEŠKOVÁ, M. (2016), Hodnocení „jiného“ ve výuce IKK (na příkladu ruštiny). In: Pešková, M./Kubíková, K. (eds), Rozvíjení interkulturní komunikační kompetence ve výuce cizích jazyků. Plzeň, 53-61.
- RUDIŠ, J. (2002), Nebe pod Berlínem. Praha. [«Небо под Берлином».]
- RUDIŠ, J. (2006), Grandhotel. Praha. [«Гранд-отель».]
- RUDIŠ, J. (2007), Potichu. Praha. [«В тишине».]
- RUDIŠ, J. (2010), Konec punku v Helsinkách. Praha. [«Конец панка в Хельсинках».]
- RUDIŠ, J. (2013), Národní třída. Praha. [«Национальный проспект».]
- RUDIŠ, J. (2018), Český ráj. Praha. [«Чешский рай».]
- RUDIŠ, J./PÝCHA, P. (2006), Léto v Laponsku. Praha. [«Лето в Лапландии».]
- SOUKUP, D. (2006), Stereotypy, imagologie a literární hodnoty. In: Fedrová, S. (ed.), Otázky českého kánonu. Sborník příspěvků z III. Kongresu světové literárněvědné bohemistiky (svazek 1). Praha, 622-630.
- ГЛАНЦ, Т. (2019), СССР как приём в художественной практике Павла Пепперштейна. В: Новое литературное обозрение. 155/1, 246-256.